

Оглавление

Поехали, ребятки	7
Зарождение угрозы, 1965 год	32
Бандитский цирк с изнасилованием малолетки в Басс-Лейке	147
Мистика дури и огненная стена	313
Эпилог	411
Об авторе	414

*Посвящается друзьям, ссужавшим мне деньги,
милостиво позволяя не работать.
Без таких друзей не состоится ни один писатель.
Еще раз спасибо.*

Идею книги подсказал редактор The Nation Кэри Макуильямс. Он попросил меня написать статью о причудливом феномене байкерских группировок. Статья вышла в The Nation в апреле 1965 года. Мысли и предложения Кэри определили план и направление книги, которые, если бы не он, вряд ли бы появились.

В своем краю беглец из дальних стран,
Не греет жар пылающих углей;
Я гол, как червь, в одеждах королей.
Без веры жду и хохочу в слезах;
Мне хорошо, когда терплю я крах;
А веселясь, не радуюсь совсем¹.

Франсуа Вийон

¹ Перевод Ирины Васильевой.

ПОЕХАЛИ, РЕБЯТКИ

1

Калифорния, уик-энд накануне Дня труда... с утра пораньше, пока улицы еще окутаны океанским туманом, байкеры-изгои в цепях, темных очках и засаленных «ливайсах» выкатываются из пропитанных сыростью гаражей, круглосуточных кафешек и замурзанных временных лежек во Фриско, Голливуде, Берду и Ист-Окленде и тянутся в сторону полуострова Монтерей, что севернее Биг-Сура. Нечисть опять гуляет — «Ангелы ада», герои смачных заголовков, шумно, стремительно несутся на заре по автостраде, низкая посадка, никто не улыбается, сломя голову рассекают поток транспорта по центральной разделительной линии, выжимая «сто-пятьсот», чудом избегая столкновений. Что твой Чингиз-Хан на железном коне — жеребце-чудовище с бьющим из задницы пламенем, с ходу проскочат в дырку пивной банки, залезут под юбку вашей дочери, ни у кого не попросят пощады и сами никого не пощадят. А ну-ка, покажем класс терпилам, пусть почуют хотя бы сквозняк от кайфа, какого никогда не испытают сами. Ах, какие правильные чуваки, любят прокатиться с ветерком... Малявка Иисус, Доходяга, Джордж-Шоколадка, Канюк, Зорро,

Елдарь, Чистюля, Малыш, Терри-Бродяга, Френчи, Марвин-Плесень, Мамаша Майлз, Грязный Эд, Чак-Дак, Жирный Фредди, Грязнуля Фил, Чарли-Заряжала по кличке Педофил, Бешеный Крест, Пых, Шишка, Зверюга и не меньше сотни других... соскучились по движу, развеваются длинные патлы, бороды и банданы ерошит ветер, кольца в ушах, голые подмышки, ключи-хлысты, свастики, «харлеи»-стрипперы сверкают хромом в окна соседних машин, чьи водители нервно уступают дорогу кавалькаде, налетевшей как неожиданный раскат грома.

«Они называют себя «ангелами ада». Носятся, насилуют и совершают набеги, как конная банда разбойников, и вдобавок хвастают, что полиция не в состоянии сломить их преступное братство на колесах».

True, The Man's Magazine (август 1965 года)

«Каждый из них по отдельности неплохой парень. Я вам одно скажу: лучше иметь под надзором шайку «ангелов ада», чем борцов за гражданские права. Когда нам хотят устроить шухер, демонстранты ведут себя намного хуже».

*Тюремный надзиратель,
городская тюрьма Сан-Франциско*

«Некоторые из них настоящие зверюги. И останутся зверьми в любом обществе. Этим парням закон не писан, им надо было родиться сто лет назад — они бы тогда шмаляли из револьверов на дуэлях».

*Берни Джарвис, член чапты «Ангелов ада»,
впоследствии ставший репортером
полицейской хроники San Francisco Chronicle*

«Мы составляем один процент, чувак, один процент тех, кто не вписывается и кому по хер. Так что не надо мне тереть про счета от врача или дорожные штрафы — берешь свою бабу, байк, банджо, и ты сам себе хозяин. Мы пробили себе дорогу в сотнях разборок, нам помогли выжить ботинки и кулаки. Среди байкеров-изгоев мы королевская кровь, бэби».

Интервью с «ангелом ада» под запись

Пробег начался, изгой со всего штата стаями катят в Монтерей: с севера от Сан-Бернардино и Лос-Анджелеса по 101-й, с юга от Сакраменто по 50-й, а от Окленда, Хейварда и Ричмонда по 17-й, из Фриско по прибрежной автостраде. Хардкор, преступная элита — вот кто такие «Ангелы ада». Крылатый череп сзади на безрукавках, «мамочки» на задних сиденьях чопперов-поросят¹. Они едут в ореоле возвышенного, немытого зазнайства, уверенные в своей дурной славе самой порочной банды мотоциклистов в истории крещеного мира.

Из Сан-Франциско отдельной командой общим числом три дюжины прибыли «Цыганские шутники» — байкерский клуб Калифорнии номер два, голодный до паблисити, состоящий из одной-единственной чапты. Однако даже «шутники» могут позволить

¹ «Поросятами» американские байкеры называют мотоциклы марки «Харлей-Дэвидсон». Прозвище пошло с 1920-х годов XX века, когда талисманом гоночной команды «Харлей-Дэвидсон» был взят поросенок и команду стали называть «Дикие поросята». Чоппер — мотоцикл с мощным мотором, который получился в результате освобождения серийного образца от нефункциональных частей, не влияющих на движение. — *Прим. пер.*

себе смотреть свысока на таких, как «президенты», «дорожные крысы», «ночные всадники» или «вопросительные знаки», тоже обитающих в районе Залива. Или в Гоморре... Содом находится в ста милях южнее, в огромной бешеной лохани Лос-Анджелеса, домашней территории «рабов сатаны», третьего клуба в иерархии байкеров-изгоев, спецов по самопальным аппаратам, питающих слабость к собачьему мясу, броским повязкам для волос и ласковым юным блондинкам с тупым обожанием в глазах. «Рабы» — высшее сословие Лос-Анджелеса, их бабы жмутся к кожным спинам чмырей-собакоедов с набухшими шинками, когда те двигают на север на ежегодный загул «ангелов ада», с самого начала относившихся к «шобле из Эл-Эй» с дружеским снисхождением. Рабы не обижаются, потому что могут безнаказанно крошить батон на другие южные клубы — «Обманщиков смерти», «Железных всадников», «Скачущих гусей», «Команчерос», «Бродячих дьяволов» и всякий неприкаянный периферийный элемент, представленный проходимцами такого низкого пошиба, что их не принимал к себе ни один клуб изгоев, что на севере, что на юге, — разве только для участия в драке, когда чашу весов могли склонить лишняя цепь или пивная бутылка.

«С упорством, достойным лучшего применения, я продолжаю твердить, что из создавшегося тупика нет выхода. Очнись мы от спячки, то ужаснулись бы кошмару повседневности. Мы бросили бы орудия труда, работу, отказались бы выполнять свои обязанности, платить налоги, соблюдать законы и так далее. Разве стали бы полностью очнувшиеся от

оцепенения мужчина или женщина делать те безумные вещи, которые от них сейчас требуют в любую минуту дня?»

*Генри Миллер, «Мир секса»
(1000 экземпляров напечатаны Дж. Н. Х.
для «друзей Генри Миллера» в 1941 году)*

«Народ должен усвоить — нельзя мешаться у нас под ногами. Мы отмудохаем любого, кто встанет у нас на пути». *Разговор «ангела ада» с полицейским*

Утром в день пробега в Монтерей на День труда 1964 года Терри-Бродяга очнулся голый и избитый. Накануне вечером около бара в Окленде его отпинали и отхерачили цепями девять бойцов «Дьяблос», мото-клуба-конкурента из Ист-Бэя. «Я раньше дал в морду одному из них, — объяснил Терри. — Им не понравилось. Я был в баре с двумя другими “ангелами”, но они свалили немного раньше. Как только наши ушли, эти ушлепки из “Дьяблос” наехали на меня около бара. Я неслабо огреб, мы их потом полночи искали».

Поиски не увенчались успехом, и на рассвете Терри вернулся в маленький домик Тошего в Сан-Леандро, где жил с женой и двумя детьми. Тоший, боксер тридцати семи лет, который однажды рубился с самим Бобо Олсоном, был в то время самым старшим среди «ангелов» и тоже имел жену и двух детей. Когда Терри приехал летом из Сакраменто искать работу в районе Залива, Тоший предложил ему стол и ночлег. Их жены подружились, дети стали не разлей вода, Терри нашел место в сборочном цехе завода «Дженерал моторс» по соседству, что само по себе

говорило о скудости рабочих кадров низшей категории, потому как Терри на вид выглядел безнадежно неспособным к трудоустройству и смахивал на гибрид героя комиксов боксера Джо Палуки и Вечного Жида.

Рост — метр восемьдесят восемь, вес — девяносто пять кило, массивные ручки, окладистая борода, черные патлы до плеч, необузданный, трескучий нрав, не рассчитанный производить благоприятное впечатление на кадровиков. Кроме того, в свои двадцать семь он успел накопить длинный зловещий список приводов — куча задержаний и арестов по разным поводам: от мелких краж и побоев до подозрения в изнасиловании, наркотиков и куннилингу-са в общественном месте. И в то же время ни одной отсидки за тяжкие преступления, ни одного официального приговора за что-либо похлеще того, что мог выкинуть разгоряченный выпивкой или в припадке животной агрессии обычный гражданин.

— Да херня этот ваш список, — огрызается Терри. — Большинство обвинений дутые. Я никогда не воображал себя преступником. Это не мое. Меня жаба не душит. Все, что я делаю, получается естественно, потому что мне так надо. — И через мгновение: — Но я хоть и не преступник, все равно хожу по грани. Когда-нибудь меня упекут за один из чертовых фортелей, и тогда досвиданьица, Терри, посиди несколько годков. Пора завязывать, валить куда-нибудь на восток, может, в Нью-Йорк или в Австралию. Ты еще не знаешь — у меня одно время был членский билет профсоюза актеров, в Голливуде жил. Бля, я хоть и раздолбай, где угодно своего добыюсь.

В другое воскресенье Терри мог бы продрыхнуть до двух или трех пополудни, пойти снова гулять с дюжиной братанов на поиски «дьяблосов» и раскатать их в лапшу. Однако День труда — главная дата в календаре «ангелов ада». В этот день проводится ежегодная встреча всего клана изгоев, мощный трехдневный загул, который всегда заканчивается какой-нибудь дикой, безбашенной выходкой на страх и ужас терпил. «Ангел» мог пропустить такое событие, только если сидел в тюрьге или стал инвалидом. Для байкеров пробег на День труда — эквивалент встречи Нового года, время пустить по кругу кувшин вина, отметить старых знакомых, потрахаться с кем получится и в целом знатно покуролесить. В зависимости от погоды и количества сделанных неделей раньше звонков на сходку могли явиться от двухсот до тысячи изгоев, причем половина из них будут пьяны в стельку уже по прибытии.

Терри и Тощий с девяти утра были на ногах. Мечь «дьяблосам» подождет. Сегодня — пробег. Терри закурил сигарету, ощупал шишки и ссадины, натянул пару задубевших от грязи «ливайсов» без нижнего белья, тяжелые черные ботинки и красную толстовку, воняющую прокисшим красным вином и потом. Тощий пил пиво, пока его жена кипятила воду для растворимого кофе. Детей отправили к родственникам еще накануне вечером. На улице жарило солнце. Сан-Франциско на другом берегу залива все еще был окутан припозднившимся туманом. Байки заправлены и начищены. Оставалось собрать завалившуюся мелочь или дурь, навьючить спальные мешки и надеть прикид с «маркой».